

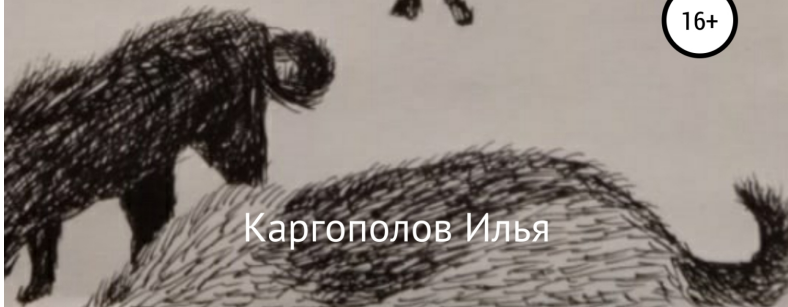
МАША

сборник рассказов

16+

Каргополов Илья

Илья Сергеевич Каргополов

Маша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66677366

SelfPub; 2021

Аннотация

Небольшие истории о выборе, случае, вере и безверии, силе и слабости, любви. Персонажи этого сборника обыкновенные люди, живущие среди нас.

Илья Каргополов

Маша

Маша

Галки покачивались на голых берёзовых ветках. Слабый ветер не мешал птицам без труда рассестись на кроне прицерковной берёзы и наблюдать за торопливыми маханиями рук опоздавших, то и дело грохающих массивной дверью. Час был по воскресному ранний. Однако у церковной ограды уже расположились радихристовые работяги, ожидавшие окончания службы. Оно и не удивительно, день был многообещающий, праздничный. Марья Семёновна, среди местных просто Маша, шла неторопливо вдоль церковного забора к главному входу. В Машиной руке покачивался пакетик – гостинцы «храмовым питомцам». У самой Маши домашних животных не было, очень она шерсть не любила, да и как привязанный с ними, ни в деревню, ни в другой город по какой-нибудь надобности, но всё одно, жалко. В общем, подкармливала уличных, как могла.

Несмотря на отговорки, сама Маша давно уже никуда не ездила, и ей уже лет семь как перестали звонить и писать географически совсем не дальние родственники. Такое одиночество её почти не беспокоило, но когда свора полудиких собак радостно встречала Машу, ей казалось, что она и не

одна вовсе, что все эти бездомные и есть её семья, даже больше, казалось, что сама она, хоть и является завидной обладательницей двадцати трёх квадратных метров заводского общежития, тоже бездомная.

Проходя мимо попрошаек и лодырей, именно так про себя Маша называла нищих, она даже не глядела в их сторону. Ей было не понятно, как можно вот так сидеть и нагло просить деньги. Маша давно ходила в этот храм и все призаборные лица были ей хорошо знакомы. Васька, его сократили на заводе и он спился, промотав и семью, и квартиру, и всю свою непутёвую жизнь. Светка Рюмка, хотя правильнее было бы назвать пластиковый стаканчик, шалава знатная была, тоже не дура выпить. Васька, ещё пацаном на зону угодил и докатил жизнь до трёх отсидок, туберкулёза и церковных ворот. Но ещё больше нищих удивляли Машу подающие прихожане. Зачем поощрять разгильдяйство, «возлюби ближнего своего»— это конечно да, но разве это помощь? Не лучше ли доверить их судьбы Богу? Кто выживет – тот выживет, а кто- нет, значит судьба. Беспольные люди, слабые, толку от них никакого, один вред только. Вон по вечерам страшно по улице идти, вдруг кому полтинника не хватит, того и гляди зашибут за пригоршню мелочи. И вообще, разве кто-то может изменить свою жизнь легко, без преодоления? Сама Маша с ранних лет начавшая работать хорошо понимала это слово. Малокомплектная школа, простые, как и все бедные родители, техникум и трудная, нудная, до тошноты одинако-

вая работа 5/2 на родном заводе уже больше 20-ти лет. Зато не сломалась, не предала родителей, осталась в родном городе, даже повышение получила, комнату, вон.... Одним словом преодолела, хоть и осталась без родителей, семьи и вообще без чего-то очень важного. Это что-то было неуловимо для Машиного понимания, и если бы не всё более редкие мокрые ночные подушки и долгие пустые взгляды в окно, она была бы вполне себе счастлива.

Машу попрошайки знали хорошо, и рук за милостыней никто не тянул. Она прошла мимо и вошла в калитку. Все местные собаки давно привыкли к Маше и уже ждали её. Непонятно как нищим четвероногим удавалось попасть на территорию храма. Настоятелю такие «гости» не нравились, да и прочие прихожане жаловались, однако, несмотря на добротный забор, где-то был лаз. Сама Маша только молчала и отводила в сторону взгляд, когда её упрекали в подкармливании на территории, но про себя она считала правильным кормить их именно здесь, тоже ведь твари божьи.

Радостный лай и прыжки, влажные руки и мохнатые головы. Одно движение и содержимое пакета на земле. Прыжки тут же прекращаются и видны опущенные в круг морды, слышно только чавкание и иногда негромкий рык.

Маша сидела на стоящей рядом лавке и думала, что вот оно добро, что собаки сыты, рады и благодарны ей, что они слабее нас, в них нет зла и что только о них и следует заботиться. Они божьи создания, до них нет никому дела, и вреда

от них тоже никакого... Тут Маша поморщилась, вспомнив Лёшку, местного мальчика, которого покусали ещё весной. Покусали так сильно, что парня отправили в Москву на реабилитацию, пролечили месяц, да и обратно привезли. Маша иногда видела его во дворе, на коляске. Мама Лёшки тоже раньше ходила в этот храм, но после того случая совсем перестала появляться. А что, Лёшка, сам виноват, во-первых нечего ходить по темноте, закончились уроки и марш домой, а он шляется... шлялся... Да и потом, зачем нужно палкой махать? Ну видишь собачка злится, ты остановись, подожди, пока сама уйдёт, она же зверь, не понимает, конечно нападёт, если ещё и бежать...

Маша тряхнула головой, отгоняя уже сто раз проговоренные про себя и озвученные другим мысли. Маму Лёши эти мысли так и не убедили. Долгое время потом Маша ходила вокруг церкви и собирала разбросанные «подарки», сосиски с начинкой для четвероногих от Лёшиной мамы. Маша пыталась уговорить маму Лёши, ругалась с ней, кричала, говорила, что так нельзя, всё одно, то тут, то там встречались окоченевшие тушки животных.

Маша говорила, может и с людьми так можно? Чем они лучше? Коптят бесполезное свинцовое небо, пьют, да дерутся. Давайте отведём вот этих подзаборных к речке и как в 37-ом...

Стало темнеть, пора было идти в магазин, хлеба купить, да и мясо кончилось. Маша никогда не покупала филейные

части. Зачем оно, мясо, без костей?

Туалет

Это было просто ужасно. Никогда ещё Димка не чувствовал такого унижения, а всё пирожки, точно не стоило жадничать, просто выкинуть их и всё... Организм, работавший раньше как часы, дал сбой и заставил делать то, чего удавалось избегать с третьего по шестой класс – сходить в школьный туалет. Очень мало кто пользовался им по назначению, или скорее сказать назначение туалета со временем менялось: в нём курили старшеклассники. Впрочем, и они ходили дымить только зимой, в тёплое время сигареты раскуривались, как положено, за углом школы. Туалет не ремонтировался никогда. Нет, косметические ремонты периодически проводились. Раз в два-три года стены красились в жёлтый, а перила на лестнице в тёмно-коричневый цвета, как будто другой краски нельзя было достать. А что касается туалета, так за всё время существования школы, в нём разве что кран меняли, и тот принесла какая-то учительница за ненадобностью. Так или иначе, Димке сказочно повезло, он успел закончить все «дела» и выйти до того, как к рябой коричневой двери подошла компания девятиклассников. «Больше никаких вчерашних пирожков» – пообещал себе Димка и только собрался бежать в класс, как за спиной раздалось:

– Малой, стоять!

Димка остановился. Было ясно, что ничего хорошего от этого «стоять» не будет, но делать нечего.

– Сюда, бегом.

Медленно повернувшись, ноги сами поплелись в сторону старшекласников.

– Долго идёшь. Ладно, Деньги есть? – долговязый черноволосый девятиклассник говорил, растягивая слова. Его товарищи, подхихикивая, стояли за спиной предводителя.

– Нету...

– А если найду?

– У меня были, но я булку купил, больше нет – попытался соврать Димка.

– Ясно... по-хорошему не хочешь, ну давай по-плохому, – черноволосый схватил шестиклассника за плечо и уже замахнулся, как вдруг услышал за собой:

– Щеглов!

Вся компания тут же куда-то подевалась, остались только черноволосый, Димка и так кстати (некстати) подошедшая женщина средних лет с видимо всегда недовольно-поджатыми губами.

– То есть я правильно понимаю? Последний совет профилактики ничему тебя не научил, мать стояла и краснела напрасно, да, Щеглов?

– Ирина Кимовна, мы играем просто, правда, Дим?

Димка уже свободный, но помнящий хватку старшекласника, нехотя кивнул.

– Достоинство! Константин, ты знаешь, что это такое?

– Да, Ирина Кимовна....

– Очень сомневаюсь, если ты себе позволяешь бить кого-то, тем более кого-то младше себя, вряд ли тебе знакомо ДО-СТО-ИН-СТВО! Ты же сам себя не уважаешь, раз такие поступки для тебя в порядке вещей. Девять лет уже школа пытается из тебя человека сделать, похоже, напрасно. Иди в класс, завтра жду мать.

– Ну, Ирина Кимовна...

– Ничего не хочу слышать, будем ставить тебя на учёт, пока школьный. В класс! Повторяй параграф – спрошу, – Ирина Кимовна совмещала работу завуча и учителя обществознания.

Черноволосый молча поплёлся по коридору.

– Какой сейчас у тебя урок? – эти слова были уже Димке.

– История.

– Иди, Виктор Андреевич сейчас подойдёт.

Димка рванул вверх по лестнице.

Виктор не совсем ещё освоился. Спустя два месяца в школе он всё ещё путался в кабинетах и фамилиях учеников. Однако это его не смущало. Только что окончивший исторический факультет молодой специалист осознанно отправился в районный центр, зная, что школа слабая и ученики сложные, но, как говорил классик, никто так рьяно не принимается за дело, как священник, доктор и учитель, да, это было про

Виктора. Наверное, поэтому историк вёл свои уроки с особым старанием, пытаясь увлечь школьников то Римской империей, то средневековьем, а то и Французской революцией. Усилия пока оставались тщетными, но учитель не унывал. Примерно то же самое происходило со школьным пространством. Ремонт в своём классе ещё как-то удалось отвоевать, хоть и за свой счёт, а вот попытки изменить школьное пространство вне класса всегда проваливались. То денег на покраску стен не было, то вопрос откладывался до разрешения более важных проблем. Именно поэтому Виктор сразу уцепился за внезапно возникшую возможность.

Позвонил друг, сокурсник Костя. В отличии от товарища, Костя не пошёл работать в школу и строил карьеру в сфере продаж. Со слов товарища одна из городских фирм, занимающихся продажей химии для уборных, устраивала акцию: бесплатный ремонт туалета в бюджетной организации. Все расходы фирма брала на себя, от победителя всего-то и требовалось предоставить видеоотчёт о проделанной работе, мол, вот было и вот стало.

—Я как о конкурсе услышал, сразу о твоей школе подумал — радостно говорил голос в телефоне- в ваши туалеты ещё динозавры небось ходили, и то стеснялись.

Действительно, Костя как-то приезжал в гости к другу и Виктор показал своё рабочее место, в котором молодого торгового агента удивило (ужаснуло) состояние туалетной комнаты.

– Думаешь, у нас есть шансы?

– Я тебя умоляю! Если кому и нужен этот ремонт, так это вашей школе, мелкая подтасовка будет не жульничеством, а справедливостью.

– Ну, раз ты так уверен... Давай. Что от нас нужно?

– От тебя почти ничего, скинь контакты вашей администрации, лучше перестраховаться и нам с тобой не общаться по этому вопросу напрямую, деньги всё-таки.

– Ок, сейчас скину. Спасибо, Костя!

Виктор был рад. Этот шанс нельзя упустить, хоть что-то можно изменить в школе. Может начав с туалетов в далёком будущем удастся увлечь школьников учёбой, кто знает. Трудно верить словам о важности знаний и тебя лично, когда унижение- повседневность.

С самого утра настроение было просто отличным! В руках учитель истории нёс небольшую картонную коробку с нарисованными знаками вопроса по бокам, в коробке что-то постукивало – взятый на урок из местного краеведческого музея алтын, древняя монетка. Почти каждое занятие Виктор приносил что-то подходящее к теме, а дети в конце урока угадывали спрятанный предмет. Алтын достать было не просто, пришлось оставить под залог свой паспорт хранильнице музея, не менее древней, чем её экспонаты. Идя по коридору в поисках шестого класса, Виктор улыбался. Несмотря на понедельник, мерзкий морозящий дождь, лью-

щий благодаря ветру со всех сторон, переполненную маршрутку с людьми, не разделяющими непонятной радости молодого человека, настроение было на высоте. Ещё в пятницу Дмитрий Николаевич, куратор конкурса прислал письмо, в котором сообщал о положительном решении. Туалет отремонтируют полностью за счёт компании, взамен нужно только снять ролик о проделанной работе, но это формальности. Уже сегодня, если верить письму, в школу привезут первые материалы.

Весь рабочий день Виктор вёл уроки и прислушивался, не стучат ли по школьной плитке ботинки грузчиков. На переменах, по дороге в учительскую, делал крюк, мимо туалета, ожидая увидеть незнакомые лица и первые признаки ремонта. Однако ни после первого, ни после третьего, пятого урока так никто и не пришёл. Школа уже почти опустела, но рабочие не явились. Виктор, не зная что делать, поднялся в свой кабинет и написал сообщение Дмитрию Николаевичу, куратору конкурса, о дате начала ремонта. Видимо адресат также ещё находился на своём рабочем месте, так как ответ пришёл быстро. В письме сообщалось, что действительно, школа, в которой работал Виктор, выиграла конкурс по бесплатному ремонту туалетной комнаты, и в соответствии с регламентом администрация школы должна была в двухдневный срок предоставить перечень необходимых работ и заявку, чего сделано не было. По этой причине первое место присуждалось следующей по очереди школе, ранее заняв-

шей второе место.

Как не подали? Я же предупредил и Ирину Кимовну и Петра Савича...И завуч и директор обещали разобраться... Может что-то не вышло, ошибка в документах...

От улыбки, сопровождавшей Виктора весь день не осталось и следа, её сменила сосредоточенность. Он шёл быстрым шагом в кабинет директора, может ещё можно всё исправить, если это поможет, он сам составит все необходимые документы, поговорит с кем нужно, убедит...

Секретаря уже не было на месте, но открыв дверь кабинета, Виктор увидел и самого директора и завуча сидевших за потрёпанным коричневым столом, что-то обсуждающих, повезло.

—Пётр Савич, Ирина Кимовна, здравствуйте, как здорово, что я вас застал.

— Витя, здравствуйте,— по отчеству к Виктору обращались только при учениках, что в общем мало беспокоило молодого специалиста- Мы как раз о вас говорили, скажите, 6 Б готов к ВПРам на следующей неделе, а-то есть опасения...

Виктор не сразу понял, о чём его спрашивают.

— Да...готов...как всегда...подождите я к вам по другому вопросу, вы моё письмо в пятницу получили?

— Это про ремонт, что ли?— не отрываясь от каких-то бумаг, спросила завуч.

—Да, там какая-то чехарда получилась, мне сегодня написали, будто от нашей школы нет заявки и перечня работ,

говорят, другую школу ремонтировать будут из-за невыполнения регламента. Вы, наверное, не увидели информацию о сроках, давайте я быстро и заявку и перечень составлю, думаю, ещё можно всё исправить...

– Виктор, подождите, – перебил явно волнующегося учителя директор – Мы всё увидели, но решили не участвовать в этом конкурсе.

– Будут ещё они нам сроки устанавливать! Суббота и воскресенье – единственная возможность отдохнуть, и так приходится дома работать, им ещё какие-то бумажки нужно присылать, а потом и видео из наших, извиняюсь, клазетов, всему району покажут! Ославить нас хотят? Нет уж, спасибо! – вдруг сорвалась завуч.

Виктор слушал, но отказывался верить услышанному, обычно сдержанная Ирина Кимовна явно была раздражена.

– Подождите, Ирина Кимовна, ремонт же сделают, бесплатно, мы же с вами говорили ещё в начале года, что туалеты никуда не годятся... Пётр Савич, как же так?...

– Виктор Андреевич, – ответила вместо директора завуч – обслуживание и обустройство школьного имущества не входит в ваш функционал, ваша работа учить детей- вот и учите, а вопросы ремонта, управления или какие-либо иные задачи оставьте администрации.

Тоже мне, выискался! Ну да, не новые... и что? Будто у нас совсем плохо было, сорок лет школе и ни одной жалобы, одни благодарности от начальства и выпускников. Туа-

лет как туалет, получше, чем у многих в районе, не на улице – и то скажите спасибо! Лучше бы дисциплиной на своих уроках занялись, бардак, соседние кабинеты жалуются, от родителей жалобы, даже от детей жалобы.. Ладно, уроки вести не умеете, коробки какие-то, методики какие-то новые, старые будто плохие, нам хоть работать не мешайте с бумажками этими вашими...

–Я понял,– прервал завуча Виктор и вышел из кабинета. Состояние его трудно было описать словами. Мимо плыли школьные стены, лестничные пролёты, окна. Непонятно как, ноги сами привели к лестничной площадке и открытой двери туалета. Поколебавшись пару мгновений, Виктор вошёл.

Серый, когда-то белый, потолок. Жёлтые расписанные фломастерами стены и коричневые от ржавчины трубы вдоль них, три дырки в полу без хоть какой-то перегородки, мутное окошко под потолком и раковина у двери с краном из которого лилась тоненькая струйка воды. Пол покрыт квадратной плиткой местами отколотой, местами выщербленной, как рот беззубого стрика. Пахло табаком. Точно такой же туалет был и в Витиной школе, когда тот сам ещё только учился. Действительно, туалет как туалет, каких сотни... Витя постоял ещё мгновение и вышел, и уже хотел закрыть рябую дверь, как за спиной услышал:

– Виктор Андреевич, можно вас?– учитель истории обернулся.

– Дима? Да, конечно. Что такое?

– У нас урок завтра, можно я вещь для коробки принесу?

У нас же татары, иго там...?

– Да, а что у тебя?

– Мы наконечник от стрелы на огороде откопали, дедушка говорит- точно татарский – похвастался шестиклассник.

– Приноси, конечно. Только параграф прочитать не забудь и про наконечник этот что сможешь узнай.

– Уже прочитал, – похвастался ученик – До свидания, Виктор Андреевич.

– До завтра, Дима.

21.04.21

Холодец

Клавдия Семёновна затеяла холодец. Каждый год, за два-три дня до седьмого января начинались приготовления. Клавдия вздыхала перед каким-либо делом и проговаривала в пол голоса: «Ещё холодец варить...» Здоровье в это время как назло подводило, спина, болевшая обычно во время посадки и сбора урожая в «дни холодца» давала о себе знать с особой силой. Соседка, зашедшая за солью, могла застать идущую полным ходом уборку (что где лежит в доме определяла только Клавдия) и, попрощавшись, отметить какую-то усталость и смиренную болезненность хозяйки. Муж Клавдии Семёновны Володя в самой готовке не участвовал, но каждое Рождество кости покупал только он, у одних и тех

же людей, одно и то же количество. «Разве хорошее мясо на базаре найдёшь?»— говорил он. Снабдив жену необходимым Володя всегда уходил то в гараж- повозиться с машиной, то по работе куда-нибудь отлучался. Следующие три дня его почти не было дома. Сын Клавдии также в приготовлении главного блюда не участвовал, более того, Витя старался не попадаться на глаза в эти моменты, мать в такие дни была особенно раздражительна. Если всё-таки возникала необходимость что-то спросить, мог получиться подобный разговор:

– Мам, а где полотенце?

– Какое полотенце?

– Для душа.

– Ты что, не знаешь, где у нас полотенце лежит? Я тут с кипятком вожусь, ещё овощи резать... Всю жизнь в шкафу лежит, на второй полке.

– Понял, извини, сейчас возьму.

– Да стой ты. Возьмёт он. Как отец слепой, не видит перед глазами ничего. Сейчас достану. Будет ещё по шкафам лазать.

Клавдия Семёновна порывисто и преувеличенно быстро забиралась на стул и из самого угла верхнего шкафа доставала полотенце.

Продукты к столу хозяйка всегда выбирала сама, долго ходила по небольшому рынку, критически рассматривая разложенные на прилавках товары и, по одним только ей извест-

ным признакам, выбирала нужное. Приходя домой с покупками, всегда жаловалась на цены и соглашалась с мужем в том, что ничего хорошего на базаре купить нельзя, пеняла на тяжёлые сумки, которые приходилось тащить самой. На вопрос почему не попросила помочь всегда отмахивалась: «Да ладно уж...сама.». После таких закупок у Клавдии снова к вечеру болела спина.

После женитьбы сына и переезда в областной центр ничего не изменилось. Виктор с молодой женой и годовалым сыном время от времени навещал отца с матерью, он всегда предлагал свою помощь в домашних делах, но Клавдия всегда отвечала: «Вот ещё, и так редко приезжаете, не видимся совсем, ещё и готовить будешь. В городе что ль не наработался?»

Лена, жена Виктора, первое время тоже предлагала свою помощь, но также безуспешно. Выросшая в городе и будучи лёгкой и общительной женщиной, Лена довольно свободно чувствовала себя на любой территории. Будь то дом друзей, или заграничная гостиница, или походная кухня- Лена всегда легко адаптировалась в пространстве и могла без особых сложностей приготовить всё что угодно не дёргая хозяев. Так было и здесь. Если хотелось чаю- Лена шла на кухню и ставила чайник, если нужно было что-то приготовить малышу- без вопросов Лена находила всё необходимое.

Областные гости сидели в зале перед телевизором, Сёма, на годовалых дрожащих ногах, держась за спинку дивана пы-

тался дотянуться до висящей на стене картины. Он едва научился стоять с поддержкой, поэтому как только он забывался и разжимал свои кулачки протягивая к полотну не одну, а обе ручки- тут же падал на ноги матери, сразу же поднимаясь вновь.

– Вить, а может чайку?

Витя молчал- то ли не услышал из-за работающего телевизора, то ли делал вид, что не слышит.

– Витяяяя,– качая мужа за плечи и растягивая последнюю гласную протянула Лена,– твоя жена без чая умирает, практически ссыхается заживо.

Виктор помолчав ещё немного с явной досадой посмотрел на Лену

– Давай потом, а?

– Почему?– удивилась Лена.

– Ну не хочется сейчас на кухню идти...

– Мммм? Тебя там съедят?

– Да не съедят...просто там... холодец...

И действительно, «холодцовое время» было в стадии кульминации: на кухне постоянно что-то звякало, резалось, стучало, в доме было душно, но старые окна не открывали. Раньше бы приоткрыли дверь, но сейчас этого нельзя было сделать из-за Сёмы.

– Ты боишься холодца? Не знала этого про тебя.– Пошутила Лена, но Виктор даже не улыбнулся.

– Когда мама готовит холодец, на кухне лучше не появ-

ляться, она сама не своя.

– В смысле раздражительная?

– Ну, можно и так сказать.

– Ааааа, то-то мне показалось, что она как-то громковато шкафчики закрывает, когда я за водой Сёме пришла, холодильник аж звякнул... Ну и что? Нам теперь без чая сидеть?

– Давай сейчас она уйдёт, и я всё тебе налью, – просящим тоном ответил Виктор.

Лена закатила глаза и молча продолжила смотреть телевизор.

Вечером из гаража вернулся Володя. К этому моменту Клавдия уже перебрала всё мясо и разлила весь холодец по формочкам. Хорошо, что Рождество зимой и на улице холодно, иначе все эти тазики, тарелочки, формочки просто некуда было бы ставить. Теперь же предбанник напоминал собой профильный магазин «Холодец». Хозяева переодевшись отправились в церковь на ночную службу, оставив гостей отдыхать.

Утром же (в такие дни утро начинается никак не раньше часа дня) всё семейство после умывальных процедур собралось за столом. Мясо, котлеты, салаты- всего было в изобилии. Конечно по краям стола, в доступности вытянутой руки стояли две формочки с холодцом.

– С Рождеством!

– С Рождеством! Мам, вчера под утро уже пришли?

– Да, так хорошо, на улицах нет никого, спят все.

– Ага, «помилуй мя боже на боку лёжа...», не отрываясь от телевизора и салата сказал отец.

Пришло время собираться домой. Самое сложное было отыскать все сёмины вещи: сложенные и весящие, сохнувшие и замоченные, игрушки, десятки игрушек лежащих во всех местах, куда смогла дотянуться маленькая ручка. Больше сумок с вещами были только пакеты с продуктами. Различные соленья, молоко, масло, готовые котлеты, салаты, магазинный сыр, конфеты. Когда все сумки были уже собраны и гости стояли одетыми в дверях Клавдия всеплеснула руками:

–Ох! А холодец-то я вам не положила! Сейчас, я быстро-Клавдия уже собралась бежать на кухню, но Лена её остановила.

– Не надо, спасибо большое, продуктов у нас хватит до следующего нового года.

– Ну хоть один тазик возьмите, а то весь холодильник забит, куда ж я столько наварила..

– Да мы толком его и не едим, спасибо, и ставить его некуда. У вас же морозилка большая есть, заморозьте.

– Ну как хотите.

Гостей проводили до машины, помахав вслед. Помахали и пошли обратно в дом, где в небольшой комнате стоял морозильный шкаф летом набиваемый грибами и ягодами, а зимой наверное половину занимал холодец, из которого потом варился мясной суп. Этих запасов Клавдии Семёновне хва-

тало на пол года точно, тем более что Володя суп не любил.

Оладьи

– Ты Оладьи поел?

– Да поел, поел, Мам.

– Что Мам? Уходишь на весь день, будешь на работе ко-
стями греметь, людей пугать...

– Было бы чем греметь... – буркнул Сергей – опять свитер
мал...

– Глупости говоришь. Всё с тобой отлично, хорошего че-
ловека должно быть много.

– Угу... Всё, опаздываю, пока.

Выйдя на улицу, Сергей неторопясь пошёл вдоль аллеи. На самом деле времени было предостаточно, до работы был ещё целый час, а Сергей относился к тем счастливицам, которым не приходилось добираться до офиса по два часа на метро. От дома до офиса дорога по прямой занимала пятнадцать минут. Можно было спокойно пройтись под первым ярким весенним солнцем. Ставший маленьким свитер был оставлен в шкафу, с надеждой на уменьшение габаритов хозяина, впрочем, таких вещей у Сергея было предостаточно, но, несмотря на благие желания и надежды, цифры на бирках одежды неумолимо росли. Об этом Сергей старался не думать, тем более что были более приятные мысли – Лиличка.

Они познакомились с Лиличкой на улице, она продава-

ла в киоске цветы. Киоск этот находился у входа в офисный центр, где работал Сергей. В тот день Дмитрий, начальник отдела, красавец и честный бабник поручил Серго (так коверкал имя Сергея только непосредственный начальник) «наиважнейшее» задание, от которого зависела честь и достоинство (на этом слове Дмитрий хихикнул) всех мужчин в офисе. Нужно было купить цветы. Если принимать во внимание то, что это было не обыкновенное утро, а утро восьмого марта – задача почти невыполнимая, даже если цветы ещё продавались, желающему купить главный праздничный атрибут необходимо было преодолеть длиннющую очередь. С самого раннего утра всё офисное здание выстроилось перед киоском. Мужчины сменяли друг друга в очереди, женщины делая вид, что не замечают этого, проходили к лифту улыбаясь и отводя глаза в сторону.

Сергея же в очереди сменять никто не собирался, в его отделе работали одни девушки, нет, был ещё Дмитрий, который никогда не покупал цветы, но всегда поздравлял коллег, не уступая эту почётную обязанность и Артём, коллега, который уже месяц находился в питерской командировке.

– Ты отличный кандидат, – говорил Дмитрий – тебя никто не заподозрит в этом «тёмном» деле. Наши нимфы подумают, что мы о них забыли, обидятся, а мы, прям на обеде БАЦ! А?

– Хорошо. А какие покупать? Я не особо знаток...Розы? Гвоздики?

– Себе гвоздики купи! Серго, ну в самом деле! Ты что, под Курском воевал и с тех пор свой ППШ так и не расчехлял? Розы, только розы! Яркий красный цветок каждой наяде...

– Да понял.

Начальник раздражал Сергея. Большая разница в заплате и несерьёзные поручения были ни при чём, а вот девушки... Сергею очень не нравилось отношение Дмитрия к коллегам. Просторной двушки в Химках не смогла избежать ни одна подчинённая, и трудно было их винить в этом. Кто по глупости, кто по наивности, кто из-за переоценивания своих сил – все они испытали на себе напор комплементов, намёков, полуулыбок перемещавших их с Димочкой после работы из офиса сначала в ресторан средней руки, а потом и в Химки. Сюжет был всегда один и тот же: сначала полное расположение, а потом отстранённая благосклонность. Удивительно, но в таких условиях никто в офисе не переругался, а даже наоборот, если очередным утром новенькая, уехавшая вчера с начальником сталкивалась с холодностью и дистанцированностью уже не Димочки, а Дмитрия Николаевича – остальные не смеялись и не язвили, вместо этого предлагали что-то к чаю, брали на себя какую-то работу. Это был своего рода офисный обряд посвящения. Такие отношения были нормой для всех, кроме Сергея, который был уверен, что если доведётся ему сблизиться с какой-нибудь девушкой – это на всю жизнь. Свою точку зрения Сергей никогда не высказывал начальнику, но и в утешении очередной павшей

фаворитки не участвовал.

Через четверть часа очередь всё же дошла до Сергея.

– Здравствуйте, чем могу помочь?

Так бывает. Тебе задают простой, бытовой вопрос, но ты молчишь, как дурак, потому что кто-то или что-то выбило тебя из колеи. Вопрос простой, как и ответ на него, только Сергей почему-то ничего не смог ответить. С ним случилось непонятное. Оглушённый и ослеплённый, он застыл на месте: светлая улыбка и смеющиеся глаза – всё остальное растусhevалось, словно на акварельной картине... Сергей просто-ял так какое-то время, пока не почувствовал короткий толчок в бок.

– Ты покупать будешь или нет? – послышалось за спиной.

– Чем могу помочь? – уже видимо и не в третий раз, смеясь, повторила девушка.

– Вы... цветы...

– Я – цветы?

– Ээээ, в смысле цветы, я хотел сказать цветы, просто вы так улыбаетесь.

Девушка засмеялась, и должно быть только страх перед ещё одним толчком со спины не позволил Сергею снова выпасть из реальности.

– С праздником, – не найдя ничего лучше пробормотал Сергей – вы красиво улыбаетесь.

– Спасибо, вы даёте мне достаточно поводов для улыбки.

– Да, извините, – замялся Сергей.

– Ничего. Чем могу вам помочь?

– Красные розы, 10 штук.

– Замечательно. Собрать в букет?

– Нет, по одной, пожалуйста- Сергей понемногу стал приходить в себя.

Продавщица ловко обвязала каждый стебель красной ленточкой и через минуту 10 наряженных роз лежали на прилавке.

Сергей вдруг понял, что уже рассчитался и пора уходить, но почему-то ноги не слушались.

– Аааа как за ними ухаживать?

Девушка уже повернувшись к следующему покупателю опять посмотрела на Сергея и прыснула – Ухаживать? Ваза, вода. Вода у вас есть?

– Есть, – ответил Сергей и почувствовал себя полным идиотом. Но вдруг что-то щёлкнуло и слова сами собой вылетели изо рта – А вот вазы нет, как же я без вазы?

Девушка всё с той же улыбкой ответила – у нас, к сожалению, только цветы, но через дорогу есть хороший магазин, там вазу вы точно найдёте.

– А вы можете мне выбрать? – не веря своим ушам, произнёс кто угодно, но только не Сергей.

– Сам выберешь, Дон Жуан, иди уже! Девушка, сколько можно, битый час здесь стою! – Запротестовал мужчина в синем костюме, стоявший следующим, после Сергея.

– Я вас встречу, во сколько вы заканчиваете?

Девушка внимательно посмотрела в глаза Сергею.

– Хорошо, – сказала девушка улыбаясь.

– Что хорошо? – не понял Сергей.

– Вы же меня хотите пригласить выпить с вами кофе? Я согласна. В пять возле турникетов.

– Даа... конечно... Тогда в пять?

– Хорошо.

Последние два часа рабочего времени тянулись до неприличия долго. Хотя рабочим это время называлось условно, вся женская половина офиса занималась чем угодно, но только не работой, вместо этого все обсуждали подаренные Димочкой (всё же за глаза не Дмитрием Николаевичем) цветы и планы на грядущие выходные. Наконец минутная стрелка преодолела очередной подъём, и можно было уходить.

Спускаясь на первый этаж, Сергей готовил себя к самому худшему, он до сих пор не верил, что такая симпатичная девушка может запросто принять его приглашение. Это розыгрыш. Вот сейчас откроется дверь лифта, и внизу её не будет. 3, 2, 1, дзынь! Дверь открылась, и Сергей увидел за офисными турникетами её, что-то читающую в своём смартфоне не поднимая головы. Сергей отправился в её сторону и за пару шагов начал паниковать, может всё показалось, может шутка и в этот момент она подняла голову:

– Лиля

– Что?

– Мы же не познакомились, меня зовут Лия, а вас?

– Сергей.

– Вот и замечательно, а-то неприлично помогать выбирать вазу человеку, имя которого не знаешь.

Выйдя из здания, они неторопясь перешли дорогу и ненадолго вошли в небольшой магазинчик, витрины которого предлагали посуду, кастрюли, столовые приборы. Через некоторое время они вышли с небольшой вазой у Сергея в руках. Лиля смеялась и говорила, видимо в продолжение разговора, начавшегося в магазине, что эта ваза точно должна понравиться его маме.

Прогуливаясь вдоль улицы они набрали на какое-то летнее кафе с, о чудо, свободным столиком. Разговор за чашкой кофе был лёгок и приятен. В этом кафе они просидели до вечера, Сергей даже забыл выключить в своём телефоне бесшумный режим, из-за чего пропустил звонки из дома, а вот это с ним не случилось никогда.

Две недели, каждый день, кроме выходных, Сергей и Лиля проводили вечера вместе. Случайные кафе, парки, набережная. К своему удивлению Сергей совсем не чувствовал ни усталости при долгих прогулках, ни боли в пояснице и зажатость перед Лилей куда-то подевалась.

Темы для разговоров на таких прогулках не имели особого значения, а сами разговоры не запоминались вовсе, да это было и не важно. За эти две недели Лиля и Сергей сблизились, и редко когда что-то нарушало их покой. Мама Сергея иногда звонила сыну и тот, отвернувшись, что-то говорил в

трубку про отчёты, какие-то важные проекты. Лиля в такие моменты всегда смотрела в сторону, никогда не на Сергея, а когда он клал трубку продолжала разговор как ни в чём не бывало.

В один из таких вечеров, провожая Лилю домой Сергей вдруг сказал:

– Мне иногда кажется, что всё это сон.

– Сон?

– Да. Вот сейчас зазвенит будильник, я проснусь и пойду на работу. Эти мысли пугают. Ты же мне не снишься, правда?

Лилия засмеялась:

– Тогда ты уже почти две недели не просыпаешься, Серёжа, в таком случае ты скорее всего уволен.

– Но тогда почему ты со мной?

– А почему нет?

– Потому что я...ну...я такой...такой...отличаюсь, в общем от мужских эталонов.

– А кто тебе сказал, что мне нужен мужской эталон? Может мне как раз ты и нужен. Человек никогда не остаётся прежним, все мы меняемся, и ты тоже, эти возможные изменения мне нравятся.

Пара подошла к панельному дому и остановилась у подъезда.

– Ну, вот я и дома.

– Я думал ты шутила, когда говорила, что живёшь за три-

девять земель, понятно почему ты переезжаешь. Два часа на метро, как в другой город съездить.

– Ну так может останешься?

Предложение прозвучало легко, но сказанные слова добавили что-то новое, сложное. Ещё буквально пару секунд оба стояли молча, и вдруг заиграл телефон. Сергей машинально схватился за карман, но телефон не достал, Лиля в этот раз не отвела взгляда, а смотрела прямо в глаза Серёю, тот в свою очередь смотрел на Лилю. Так телефон прозвенел ещё секунд пять и замолчал.

– Я думаю, сейчас не лучший момент...

Лиля ещё мгновение смотрела на Сергея.

– Хорошо. Тогда пока.

Она развернулась и уже собралась идти, но Сергей поймал её за руку.

– Подожди. Не обижайся, для меня это сложно... Приходи завтра ко мне.

– К тебе домой? А мама?

– Что мама?

– Мне кажется твоя мама будет мне не очень рада.

– Да глупости, вот увидишь, мы отлично пообщаемся, а то мне кажется, в городе не осталось кафе, где бы мы не сидели.

Лиля немного помолчала, потом мягко высвободила руку сказала:

– Хорошо, значит до завтра.

Собираясь к Сергею, Лиля думала о своей жизни. Какая же это странная штука. Ещё со школы она не имела недостатка в мужском внимании, мальчишки дрались за неё на переменах, забрасывали записками, строчили сообщения в мессенджерах. Потом университет, там тоже отбоя от парней не было. Казалось, это и есть тот самый счастливый билет, о котором мечтает любая девочка. Казалось, что вот-вот и принц найдётся сам собой. Ведь если внимания достаточно, значит и принцу будет легче тебя отыскать, вот же ты, на самом виду. Оказалось совсем не так. Чем больше ты на виду, чем популярнее, тем меньше шансов встретить того самого человека. Лиля поняла это слишком поздно. Лёгкий жизнерадостный характер бросал девушку из отношений в отношения, всегда искренние, по крайней мере со стороны Лили, и также всегда неудачные. Так на четвёртом курсе дело дошло до нежелательной беременности и аборта. Лиля взяла академ, но так и не сумев прийти в себя после случившегося бросила учёбу. Потом было замужество, и снова неудачно. Новоиспечённый муж, казавшийся таким остроумным и компанейским оказался обыкновенным обеспеченным алкоголиком. Лиля какое-то время верила, что брак можно спасти, разговаривала, убеждала, даже угрожала, но ничего не вышло. Какое-то время Лиля плыла по течению, а потом встретила Сергея. В подобных мыслях Лиля собралась и вышла из дома направляясь на встречу.

Сергей ждал Лилу у офиса. Он заметно нервничал, но

старался не показывать волнения. Всю дорогу от офиса до дома Сергея Лиля почти не говорила, иногда улыбаясь неуклюжим шуткам, но сама отвечала односложно.

В доме был сломан домофон, поэтому, поднявшись на пятый этаж, Сергей нажал на кнопку звонка и на шаг отступил от двери. После непродолжительной паузы замок щёлкнул и дверь открылась.

– Привет, мам! Лилия, проходи.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, -женщина в халате сделала шаг назад, давая пришедшим войти- вы Лилия? Я Светлана Агафьевна, мама Серёженьки, – худощавая женщина представляясь стягивала со своего сына весеннюю куртку.

– Опять маловата, нужно новую посмотреть.

– Ну мам!... Сергей всячески демонстрировал своё недовольствие, хоть и не вырывал куртку из рук матери.

– А что, помочь нельзя? В семье все должны помогать друг другу. Вы согласны, Лиличка? Проходите, проходите, ванная прямо и налево.

Лилия прошла по узкому коридору, завешанному какими-то старыми календарями, вырезками из журналов с портретами советских спортсменов, эстрадных певцов. Пройдя коридор, Лилия вошла в ванную. Бельевая верёвка, словно ветви яблони по осени провисала от развешанных на ней вещей. Носки, наволочки, бельё, футболки, женское, мужское всё высыхало вперемешку.

Вымыв руки, Лиля прошла тем же коридором в небольшую комнату, которая судя по всему, была залом.

– Садитесь, садитесь вот сюда,– преувеличенно засуетилась Светлана Агафьевна- только аккуратнее, стулья не очень крепкие, у меня всё никак руки не доходят починить, а новые как паровоз стоят.

– Ничего, я не тяжёлая,– Ответила всё с той же улыбкой Лиля.

На плетёной скатерти стояли три чашки чая, наполовину заполненная карамелью конфетница, розеточка с вареньем и привезённая из Чехии лет двадцать назад вазочка с цветами.

– Мама, а где же твои алады? Я Лиле всё рассказывал про них, думал, что ты приготовишь.

– Ой, замоталась я, совсем забыла, да и вредно много мучного, Лиличке так и подавно.

– В смысле?– не понял Сергей.

– Ну девушкам, даже таким симпатичным, легко запустить себя... Всё таки чтобы в зрелости похвастаться эlegantной худобой, родив при этом сына и воспитав его в одиночку, нужно следить за собой с юных лет как следует..Лиличка, мой Серёженька сказал вы цветы продаёте? А почему?

– Потому что цветы красивые, их приятно продавать.

– Да...одной красотой сыт не будешь, как всё быстротечно...сегодня кто-то думает о красоте, а завтра есть нечего...

– Это вы про меня?

– Господь с вами, это я так.. Вы кушайте-кушайте.

На некоторое время за столом стало тихо, даже слишком. Светлана Агафьевна позвякивая ложечкой выбирала ягоды из варенья, перекладывая их себе на блюдечко, Лиля сидела молча, а Сергей переводил взгляд со своего блюда на маму, потом на Лилю и обратно.

– А детки у вас есть?

Выражение лица Лили не изменилось, но улыбка изменила оттенок.

– Нет.

– Понятно. Ну да, сейчас многие живут для себя, нынче это модно. Живут себе, как цветы, ни о чём не думают, никакой ответственности, никакой цели.

– Это вы снова не про меня?– уже холодной улыбкой произнесла Лиля.

– Да, снова не про вас.

– Мама, что-то ты всё не про нас, да не про нас, попытался вклиниться Сергей. Давай о чём-нибудь другом.

– Давай. Я Дяде Толе позвонила, завтра сможем за картошкой съездить, а то вон все уже запаслись, одни мы как лодыри остались, совсем дёшево отдаёт.

– Завтра? Мммм...Завтра я не могу,– бросив взгляд на Лилю ответил Сергей.

– Как не можешь? Я уже договорилась, Виталий Степанович нас отвезёт, он уже машину подготовил, рыбалку свою отложил, кто мешки погрузит? У Виталия Степановича спина, а Толю неудобно просить и так почти за даром отдаёт.

Что у тебя такого важного завтра?

Дело в том, что ещё неделю назад Лиля в разговоре с Сергеем сказала, что переезжает. Сергей предложил свою помощь, не сказав об этом матери ни слова. Любая физическая активность инициированная сыном была не в части у Светланы Агафьевны.

—Спину побереги,— или — грыжу себе заработаешь,— или вот порвёшь связки, будешь месяц в постели валяться.

С раннего детства Сергей не занимался ничем опаснее велосипеда, да и на нём он успел прокататься одно лето, когда ему было 10. В то лето по телевизору передавали новости о каком-то мальчике, угодившем под машину на велосипеде. Услышав это, Светлана Агафьевна строго настрого запретила сыну кататься, велосипед отдала малоимущей семье из соседнего подъезда, купила недорогой, но очень большой китайский конструктор, заменив тем самым опасную дурость полезным, развивающим занятием. Собирая этот конструктор, Сергей часто видел свою мериду под Димкой, который до темна катался взад-вперёд по двору. Светлана Агафьевна вообще часто раздавала свои вещи, но чаще из квартиры исчезали «вредные» предметы сына. Будь то кассеты с тяжёлым роком, подаренные одноклассником на день рождения, или пневматический пистолет, привезённый кем-то из родни всё раздавалось, дарилось и никогда не продавалось. Сергей узнавал обо всём этом тогда, когда ничего исправить было нельзя.

Именно по причине излишней, по мнению мамы, физической нагрузки о предстоящем переезде сказано ничего не было. Сергей мямля, опустив глаза в тарелку произнёс:

– У нас с Лилей дела...

– Дела? Какие дела могут быть в воскресенье?

– Сергей завтра помогает мне с переездом, – спокойно и всё с той же холодной улыбкой ответила Лиля.

В комнате стало тихо. Лиля смотрела прямо в глаза Светлане Агафьевне, та в свою очередь не отводила своего холодного взгляда с нежеланной гостью.

– Какой ещё переезд?! Сергей? Может ты выздоровел и мне забыл сказать? Может ты ещё спортом хочешь заняться? А спина? Колени? Давление? – полушёпотом, полушипя произнесла Светлана Агафьевна.

– Тебе жить надоело?! – Светлана Агафьевна повысила голос. – Ладно о себе, ты о матери хоть иногда думаешь? Это вы его надоумили? Нет, сам он такого не мог придумать. Это всё вы! Что у нас, грузчиков нет? Задурили мальчику голову и пользуетесь в своё удовольствие! Сергей, ты для этого учился в университете, чтобы шкафы с ванными всяким тоскать?

– Мама! – еле слышно сказал Сергей.

– Что мама? Я права, да?! Конечно, сама ничего из себя не представляет, стоит весь день с цветочками, улыбается, кто розочку купит, а кто и её...

– Мама, ты не... – чуть громче произнёс Сергей, но Светлана Афанасьевна не дала договорить.

– Я «не» что?! Ночей НЕ спала, путёвки в лагерь оздоровительные НЕ выбивала? НЕ угробила свою жизнь лишь бы у тебя всё было Ради кого ты меня бросаешь? Конечно, вырос и туда же, как отец, ради первой попавшейся юбки готов всё святое забыть, растоптать и бросить, как вещь использованную.

На этих словах пожилая женщина заплакала. Какое-то время Сергей и Лиля сидели под вздрагивающие плечи Светланы Агафьевны, сопровождаемые всхлипами.

– Никто тебя не бросает...чего ты...– Сергей положил свою руку на руку матери, та, в свою очередь, накрыла руку сына своей.

– Серёжа, я пойду,– Спокойно, уже без улыбки сказала Лиля.

– Подожди, я провожу,– ответил Сергей, но рука осталась лежать между ладоней матери.

– Нет, не нужно.

Лиля не торопясь поднялась со стула, и вышла из комнаты. Сергей только слышал, как негромко щёлкнул замок входной двери.

Уже к вечеру всё наладилось. Мама вела себя как обычно: телевизор, ужин, часовой телефонный разговор с подругой на отвлечённые темы- никто бы не смог распознать в этой активной, бодрой и даже жизнерадостной женщине пару часов назад рыдающую почти старуху. Наоборот, Сергей отмечал, что мама даже как будто помолодела лет на 10, обычно хро-

мающая левая нога не подавала никаких признаков нездоровья. Немного смущало то, что Лиля не отвечала на звонки, но она ещё до неудачной встречи предупредила, что может не ответить- у неё какое-то важное дело.

Но Лиля не перезвонила. Ни вечером, ни на следующий день. Сергей хотел приехать к Лиле на квартиру после картошки, но дядя Толя заговорился с матерью и домой вернулись уже затемно. Сергей звонил ещё, но безуспешно. Если бы не вечер- можно было бы доехать до старой пятиэтажки и поговорить с Лилей, но её скорее всего там уже не было. Оставалось только ждать понедельника, тогда можно будет объясниться в офисном центре. Весь день Сергей ходил из кухни в комнату, стоял на балконе.

– Надень шапку, рано ещё с непокрытой головой.

Но Сергей не слышал, он понимал, что происходит что-то плохое, словно время утекает и то, что он должен сделать, очень скоро сделать не получится, он решил не ходить завтра на работу, тем более голова действительно плохо сообщала.

Набрав номер начальника, Сергей услышал в трубке бодрое:

– Ааа! Серго! Отлично, что позвонил, слушай, у меня тут на завтра дело срочное, не смогу к 9ти на работу, может к обеду успею, сможешь утренние отчёты с моей учётки отправить?

– Дмитрий Николаевич, я заболел, завтра никак быть не

смогу.

– Дааа?– заулыбался в трубке голос- и как твою болезнь зовут? Шучу. Ладно, жалко, но ничего, Артёму сейчас позвоню, он как раз вернулся, наотдыхался в Питере, пора и поработать.

Сергей не прощаясь положил трубку.

Утро следующего дня было таким же ярким, как и предыдущее, только Сергей чувствовал себя совсем по-другому... За 7 лет работы он ни разу не брал больничный, сообщая всем, что отлично себя чувствует, а сопли и кашель- временное явление приобретённое из-за открытой форточки. На этот раз Сергей знал, что болен, признавал это, но не предавал болезни никакого значения, он был даже рад ей. Сергей шёл по улице без цели и в такт шагам, думал.

– Да, она та самая, я знаю, я сразу понял... Теперь главное не упустить, теперь всё будет по другому... Я ей нравлюсь, я ей интересен... Я так вообще влюбился как мальчик... сейчас приду и скажу ей... скажу... скажу что всё случившееся позавчера- глупость, мама просто не поняла нас, она обязательно поймёт, потом, со временем примет и даже полюбит тебя... давай... давай жить вместе... ну в смысле у меня... у нас с мамой... то есть у меня в комнате... Она согласится, она не может не согласиться, ведь так и должно быть, только так и правильно.

За своими мыслями Сергей не заметил, как подошёл к зданию офиса.

– Не хорошо... – подумал Сергей, – Я же «болею»... вдруг кто увидит... а, плевать, не важно...

Осталось только перейти дорогу, чтобы оказаться возле офисных дверей. Сергей остановился поправить ленту, перевязывавшую купленный для Лилечки букетик, боковым зрением он увидел подъезжающую к офисному центру машину и разъезжающуюся в стороны дверь офисного здания. Сергей тут же узнал уже родную улыбку! Лиля, она почувствовала, она пришла. Лиля, выйдя из дверей и заметив Сергея, совсем не изменилась в лице, только бросила взгляд на букетик и быстро села в только что остановившуюся машину.

– Ты слышишь? Серго? Ты что это здесь? Ты же болеешь – Сергей не сразу узнал голос начальника, – А ну давай домой, перезаражаешь мне тут всех. Завтра чтоб к 9ти как штык был, мне отчёт нужно сдать, – Дмитрий покосился на машину, в которую секунду назад села Лиля – Хотя нет, давай в 10...

Масляно улыбнувшись Дмитрий хлопнул по плечу Сергея и нырнул в машину.

Дальше было не очень ясно. Казалось, что Лиля сейчас должна выйти из автомобиля, сказать, что всё это шутка, и они вместе с Сергеем уйдут, но никто не вышел. Автомобиль не должен был тронуться с места, ведь он же тогда увезёт её от него, так не бывает, но колёса с шорохом покатались по ровному асфальту, люди вокруг должны были замереть понимая и сочувствуя, но никто ничего не заметил, машины,

прохожие- все куда-то спешили, голуби выискивали что-то на тротуаре, воюя с галками. Ничего не изменилось. Сергей смотрел на угол дома, за которым скрылась машина, как будто не веря в то, что этот угол реален, потом развернулся и пошёл в другую сторону.

В этот вечер он ходил по улицам и дворам до ночи, не замечая ничего. Поэтому Сергей немного удивился, оказавшись перед своим домом. Чувства включались постепенно, сначала зрение, было темно, подъездная лампочка почти не давала света, потом Сергей ощутил холод, оказалось- он дрожит, и, в заключение, что-то барахталось в кармане. Сергей отупело смотрел на свои джинсы, включился слух и стало ясно, что барахтается мобильный.

На экране вынутого из кармана смартфона было 15 пропущенных, и все от мамы.

– Серёжа, ну где ты пропадаешь? Ты видел сколько сейчас времени?

– Нет...я тут...занят был...

– Занят...ааа...мог бы хоть матери позвонить, я тут переживаю, между прочим, спать не ложусь...Ну надеюсь ты закончил все свои... занятия?

– Закончил.

– Сообщение прочитал?

– Какое сообщение?

– Я тебе целый список накатала, а ты даже не удосужился посмотреть. Дома всё закончилось, ладно, завтра уже схо-

дишь.

– Нет, я сейчас.

– Как хочешь. Да, тогда кефир купи, я завтра оладьи испеку.

– Хорошо.

Сергей постоял ещё немного и побрёл вдоль дома, совсем рядом работал круглосуточный магазин, очень удобно, далеко ходить не нужно.

Из дома

Из дома Степан уехал год назад. Не то чтобы он скучал, скорее так...вспоминал. После смерти Светы, Степан продал квартиру, перевёл почти все деньги уже давно взрослым детям и пропал на какое-то время. Близкие сначала переполошились, но после всегда внезапных звонков из разных городов и тщетных убеждений вернуться не то чтобы успокоились, скорее отпустили ситуацию, хотя поведение старика было странным. Не похоже это было на Степана. Покойная Света могла сорваться в Тулу, Воронеж, Ростов, Питер без видимой причины, это её мечта была путешествовать по дальним странам, мечта, кстати говоря, так и не сбывшаяся. Степан, хотя и всегда следовал за женой, однако ценил покой и уединение. Дача, огород, чайник на столе, потрескивание дров в очаге, интересные книги- вот к чему стремился сам Степан. Многие искренне удивлялись такому странному со-

юзу, но те, кто знал эту пару ближе, понимали, что здесь та самая любовь, связывающая и уподобляющая.

После внезапного исчезновения Степан за короткое время объездил с десятка три городов, ночуя то в хостеле, то в какой-нибудь церкви, то на вокзале. Маршрут всегда выбирался сам собой, будь то первый попавшийся рейс, или дороге указывал какой-то «знак» (упоминание в рекламе, постороннем разговоре, новостях)— не важно. Степану сначала было не по себе, за месяц он исколесил столько, сколько за всю жизнь не ездил, но потом ничего, привык и даже вошёл во вкус. Так дорога и тянулась бы до конца, но подвело здоровье.

На очередной ночлежке в каком-то районном городке Степан долго не мог заснуть, какая-то тревога никак не покидала, да и вокзальные кресла не отличались мягкостью, даже спина заболела, где-то под лопаткой. Проходящий мимо патруль хотел было проверить документы, но старик, потянувшись за паспортом, вместо того чтобы достать бумажную книжечку, схватился за сердце. Так и вышло, что вместо Тамбова Степан отправился в местную поликлинику, а потом в областную больницу. Быстро приехавшие дети наотрез отказались отпустить Степана в новое «плавание» настаивая на переезде к ним. Степан же об этом даже слышать не хотел. Ещё на зоре отношений, совсем молодыми, Степан и Света говорили о старости, о том, что как бы она, старость, не сложилась, к детям они не поедут, нечего своими послед-

ними днями обременять жизнь молодых, да и оба надеялись на самостоятельную старость, без уток и катетеров. В такой ситуации оставался только пансион. Дети долго уговаривали и даже обижались на отца, но, в конце концов, пришлось сдаться, пансион лучше, чем вокзальный простор, по крайней мере отца можно было навещать. Заведение выбрали новое, перечитали все отзывы, просмотрели всю историю, изучили весь персонал. Сам Степан в смотринах не участвовал, где доживать ему было не особо важно. Поэтому очень скоро ещё очень бодрый старик стоял перед воротами нового, скорее всего последнего в своей жизни дома.

Шли дни. Из дома Степан выходил по утрам всегда в одно и то же время. Как только часы в столовой, подарок немецких меценатов, мелодично пропевали 7, Степан уже перешагивал порог. Вообще-то эти вылазки были прямым нарушением режима, но, во-первых, все жители дома могли свободно входить и выходить из здания (это очень сильно отличало дом от других подобных заведений), а во-вторых, за прошедший год Степан закрепил за собой славу безвредного чудака, постоянно вытворяющего всякие мелкие шалости. Так или иначе, была возможность гулять, и Степан эту возможность использовал в полной мере.

Странности начались где-то через полгода жизни в доме. В тот день Степан с другими жителями убирал территорию, обходил с мусорным пакетом забор по внешней стороне. К концу уборки страшная сестра (так за спинами окрестили её

местные, на самом деле страшной она не была, просто пыталась вести себя строго, без особого успеха) прошла со своим «строгим» лицом по территориям с ревизией и всё было чисто, кроме внешнего газона у забора. На вопрос, почему вдоль забора валяются пакеты, фантики, убирался ли он вообще, Степан раскрыл свой чёрный мусорный пакет, откуда выглянули пластиковые бутылки, которые Степан после уборки забрал к себе в комнату. Собратья по трудотерапии окрестили странного старика «мусорщиком», но без злобы, скучно было в доме. Следующие три дня Степан не гулял и появлялся только на приёмах пищи. На четвёртый день, ровно в семь утра он вышел из своей комнаты с копией Эйфелевой башни из тех самых пластиковых бутылок и отправился в город. Башня была установлена в самом центре городского парка, где простояла не больше часа, после чего местная охрана «демонтировала» инсталляцию, перенесла её на ближайшую мусорку, однако Степан всё же успел сделать селфи на фоне своей поделки до «сноса».

Следующий случай произошёл через пару недель. Ранним осенним утром, проснувшийся город увидел на одном из центральных домов, прямо на стене без окон, странный наклонённый прямоугольник, нарисованный обыкновенной белой масляной краской. Здесь Степану повезло с лестницей, которую оставили рабочие утеплявшие здание, пришлось встать пораньше, но главное- селфи с Пизанской башней было сделано. После этого случая за Степаном потяну-

лась слава уже городского сумасшедшего, даже с телевидения местного приезжали в дом, только интервью давать Степан наотрез отказался.

Потом была натянутая между двух аллеиных деревьев простыня- Триумфальная арка, девушка с раскрашенным веслом и венком из бумажных цветов- Статуя Свободы, посаженная на закрывавшую фонтан пирамиду кошка песчаного цвета... На стене у Степановой кровати фотография Светы обросла снимками-селфи достопримечательностей.

Эту комнату Степан делил с соседом: стариком Артёмом Николаевичем, Тёмой. Особо соседи не общались, здоровались, спрашивали друг у друга о делах, но дальше разговор не шёл. Степан постоянно пропадал где-то, Артём редко выходил за территорию дома, родные у него были, но жили где-то далеко и приезжали, по словам самого Артёма, хорошо, если раз в полгода.

Как-то после ужина, готовясь ко сну, Артём вдруг спросил:

– А почему кошка на фонтане?

– Не на фонтане, на пирамиде, – не поворачиваясь ответил Степан- египетские пирамиды это, а кошка- Сфинкс, для ясности.

– Аааа, – Артём помолчал- а для чего Сфинкс?

– Что?

– Сфинкс, бутылки, простыня, краска белая для чего? В доме говорят- лёгкое помешательство, но я же вижу, нор-

мальный ты и близко не сумасшедший. Со скуки?

Степан молчал. Ему часто задавали этот вопрос другие жители дома, штатный психолог, журналисты. Чаще всего Степан делал вид, что не услышал вопрос, поворачивался и уходил. Однако в этот раз он почему-то не промолчал.

– Это для Светы.

– Светы?

– Света, жена моя. Она год назад умерла.

Помолчали.

– Сколько помню, мы любили ездить. Леса, поля, чужие города- не важно куда ехать, главное двигаться вперёд и чтобы мы были рядом. Да особо далеко мы и не заезжали, не было ни машины, ни денег лишних, так, несколько областей исколесили, а потом дети пошли, не до дороги стало.

Она очень хотела путешествовать, увидеть новые страны, моря, океаны, услышать чужую речь, попробовать чужую еду, «ведь мир такой разный»– говорила она, а мы здесь да здесь. Я говорил вот подрастут дети и поедем, будем теми полоумными стариками, что на американских горках катаются с валидолом под языком. Она смеялась. Дома всегда было много журналов, книг про путешествия, телевизор показывал только Дискавери, иногда прерываясь на кухню. Но больше всего ей хотелось на Байкал... Бурхан, Шаманка, бухта Ая... Мы всё собирались, но то время не то, то здоровье, то дела какие-то глупые... Только и смотрели сначала по календарям, потом и в Интернете на эти леса, эти камни, во-

ду, облака... Там нерпа водится, слышал про такую?— Степан протянул Артёму маленькую белую плюшевую игрушку с большими круглыми чёрными глазами, которую сам Артём раньше видел на тумбочке у соседа, и про себя называл тюленем — это я в магазине на наклейки обменял, думал внукам игрушек возьму, подхожу к кассе, там висит это белое существо, а под ним надпись: «тюлень плюшевый», вот чудачки, тюленя от нерпы отличить не могут... одним словом внуки получили по шоколадке, а нерпа-тюлень Свете досталась, как она обрадовалась... везде с собой носила...

— А бутылки, кошка, краска?

— Это? Это то, что Света не успела, да и я.

После этого разговора ничего между соседями не изменилось. Они не стали чаще разговаривать или сидеть за одним столом на обеде. Однако Степан понял, что Тёма никому ничего не рассказал и был благодарен за молчание. Единственное изменение было в пожелании спокойной ночи, раньше всегда первым фразу произносил Тёма, теперь же Степан ложась на кровать и укрываясь говорил: «Доброй ночи, Тёма.» — и выключал прикроватный светильник.

Всё шло размеренно и предсказуемо, жители пансионата уже было решили, что мусорщик совсем онормализся, но тут случилась телевышка.

В Степановом городе, в центре, стояла телевизионная вышка. Это было самое высокое местное строение, видимое из любой точки. Степан забрался по лестнице на самый верх,

забраться-то забрался, а вот спуститься сам не смог. Приехавшие мчсовцы смеясь и матерясь сняли полоумного старика, прижимавшего к груди фотоаппарат с Бурш Хлифы (об этом Степан им конечно не сказал).

Всё бы ничего, только сердце Степана снова не выдержало подобного испытания и дало второй сбой, штатный врач определил инфаркт и администрация решила какое-то время усилить контроль за «беспокойным стариком» не выпуская его за территорию дома и буквально провожая из помещения в помещение, из туалета в столовую. Возможно поэтому, а может и по другой причине Степан поменялся. Он совсем перестал выходить из дома, исправно посещал все обязательные и необязательные мероприятия, но присутствовал всегда номинально, говорил мало, инициативы не проявлял, чаще просто сидел.

Одним вечером, перед ужином, Артём зашёл в библиотеку под которую было отведено просторное помещение на первом этаже. Местные хотя и критиковали новое поколение за нечтение, сами брали книгу в руки не часто, в отличие от Артёма. Он читал с подросткового возраста. Раньше Артём в книгах особо разборчив не был, читал всё подряд, но с годами в литературном меню стали преобладать такие незрелые авторы как Даниэль Дэфо, Жюль Верн, Конан Доиль- одним словом приключения, детективы, фантастика. Вот и сейчас, Артём зашёл перед ужином обменять очередную прочитанную книгу на что-то новое. Вернув томик биб-

лиотекарю и повернувшись к двери, Артём увидел Степана. Тот сидел в углу комнаты и рассматривал какие-то журналы на столе.

– О, привет! Ты чего это здесь?

– Привет, да так, захотелось посмотреть. Ты на ужин?

– Да рано ещё.

Артём подошёл ближе и присел за соседний стол.

– Как ты? Я не лезу, не спрашиваю, но как-то ты сдал, после телевышки, как ты решился вообще, – улыбнулся Артём.

Интересно, что после того вечернего разговора соседи о чудачествах Степана не разговаривали.

– Решился как-то, не знаю...

– Планируешь что-то? – понизив голос кивнул Артём в сторону журналов.

– Да нет. Отпланировался. Устал я, Тёма.

– Закончились достопримечательности?

– Для меня – да, – пару секунд помолчав ответил Степан.

– Да ладно, успеешь ещё весь мир «попутешествовать», ты же не оставишь наш дом без новых слухов. Мне вчера анекдот рассказали, в четвёртый раз, представляешь? Дефицит новостей, не подводи. На ужин идёшь?

– Да, только полежу немного, полчасака.

– Давай.

На ужине Степан не был, Артём сперва забеспокоился, но вернувшись в комнату увидел отвернувшегося к стенке соседа мирно спящим. Артём даже руку на плечо соседа поло-

жил, проверить дышит ли, уж очень спокойно лежал Степан всё хорошо, плечо мерно поднималось и опускалось в такт дыханию.

Степан умер во сне. Артём понял это утром. Сосед лежал на спине с закрытыми глазами и мягкой полуулыбкой. На тумбочке, возле кровати лежала мягкая игрушка.

Потом пришли врач, администрация. Ничего необычного не случилось, жильцы пансиона были в возрасте и смерть одного из них не пугала, а скорее успокаивала, во-первых, не я, во вторых, всё в порядке, всё согласно законам природы.

Приехали дети и забрали тело наконец успокоившегося отца. Когда собирали вещи оказалось, что у Степана была только одна небольшая сумка. Хотели забрать и фотографии, но Артём попросил оставить их ему.

Прошло полгода. За это время к Артёму подселили нового жильца, Фёдора, кажется. С которым Тёма только здоровался. Тот сначала пытался подружиться, но видя, что ничего не выходит оставил попытки и нашёл приятелей в другом крыле, где пропадал по вечерам как и сегодня. Артём уже лёг, но почему-то долго не удавалось заснуть. В голову лезли мысли о прошлом, родные, друзья. Особенно ярко перед глазами возникала картина последнего разговора в библиотеке с уже как полгода назад умершим соседом. Тогда, перед тем как пойти на ужин, Артём мельком взглянул на журналы, оставленные Степаном, там был Байкал, и ещё на сто-

ле лежала водная карта района, на которой были обведены пара-тройка небольших речушек. Раньше эти воспоминания наводили грусть и почти тоску, но сегодня всё было иначе.

Артём посмотрел на стену, там, возле Степановых фотографий, висела одна новая карточка: улыбающийся Артём с лопатой в правой руке на фоне только что вырытого декоративного прудика сзади дома. Небольшая мягкая игрушка едва высовывалась из нагрудного кармана, как бы подглядыва-
вая.

Артём закрыл глаза и уснул. Ему снились нерпы.

Масло

«Пик-пик-пик» – неритмично раздавалось впереди.

Очередь двигалась медленно. Половина восьмого вечера откровенно неудачное время для покупок. Очень не хотелось по дороге домой заезжать куда-то, но делать нечего. Игорь обошёл весь супермаркет и, набрав полную корзину, теперь стоял в очереди перед кассой. Если ходить за покупками без списка – не оставляет ощущение, что что-то забыл. Вот и сейчас.

– Какие-то жвачки, конфеты, пластыри, батарейки – обводя всё это пустым взглядом довольно просто кинуть совершенно лишнее к себе в покупки, когда время наполняешь действием, есть ощущение ускорения течения. Так – подумал Игорь – если я начал философствовать – значит точно

пора отдыхать – За этими мыслями подошла его очередь.

– Пакет?

– Да, спасибо.

«Пик. Пик-пик. Пик.»

– Товары по акции? Чай? Шпроты прибалтийские хорошие привезли.

– Нет, спасибо.

Точно! Масло! – пронеслось в голове.

– Извините, я забыл кое-что. У вас случайно штрихкода подсолнечного масла нет? Я бы сейчас оплатил, а потом просто из зала взял, чтобы второй раз не стоять.

Очередь тем временем удвоила свою протяжённость. Ещё минут пятнадцать любоваться жвачками у Игоря не было никакого желания. Кассирша взглянула на столпившихся людей и к всеобщему удивлению встала со своего рабочего места со словами: «пойдёмте, я покажу где масло, а то вы до ночи искать будете». За спинами ушедших слышались недовольные голоса.

Отойдя от кассы, Игорь спросил:

– Там покупатели не взбунтуются?

– Ничего, им полезно. Нужно учиться уважать друг друга. Я вот сколько здесь работаю одно поняла: эгоистов много, грубиянов всяких – кассирша явно была настроена поговорить – Каждый только о себе и думает. Недовольные ещё, кассу вторую откройте... Позовите администратора... Так-то понятно, замотанные все. Работа-работа. Но ведь нужно как-

то...по-человечески...вежливо, что ли.

–Мда- протянул Игорь

Они прошли через весь зал и остановились у стеллажа. Игорь мгновение смотрел на продукты, потом спросил: «А где масло? Что-то не вижу...»

– Глаза разуй – тоном человека, отвечающего на глупый вопрос, ответила кассирша, кивнув на верхнюю полку, где действительно стояли две бутылки подсолнечного масла.

17.10.2021

Пыль

Вера Андреевна потеряла ручку. После уборки кабинета всегда что-то терялось. А убирались в кабинете часто. Парты, стулья, подоконники- всё более чем чисто, ни надписей, ни рисунков или пятен. Убিরались восьмиклассники под строгим руководством Веры Андреевны. Любой забжавший ненадолго в класс не смог бы не удивиться чистоте. Правда, если приглядеться немного лучше, можно было кое-что заметить. Полки, верхняя часть шкафов, рамки, в которые были заключены великие умы математики- всё было покрыто не видимым, для тех, кто не ищет, ровным слоем пыли- так кто на эти полки полезет, лежит себе и лежит, никому не мешает. За 20 минут до педсовета всё было готово, и постепенно, один за одним, коллеги начали заполнять ка-

бинет, занимая места сначала у входной двери, пришедшие последними рассаживались на местах у доски, возле администрации.

–Коллеги!-встав у доски начала завуч Антонина Петровна- Перед началом четвёртой четверти в числе прочих вопросов нам необходимо обсудить общую воспитательную программу. Как вы все знаете, контингент нашей школы требует особого внимания. Дети мигранты, ОВЗ, учащиеся с СДВГ, неполные и малоимущие семьи- всё нужно учесть и отразить в воспитательной программе. В первой четверти следующего года ожидается проверка со стороны управления образования на предмет ведения воспитательной деятельности.

–Себя пусть проверяют, или вон, Шиншина, мать вторую четверть не могу дозваться в школу, вот кого воспитать нужно- себе под нос, но достаточно слышно сказала Галина Аркадьевна, учитель физкультуры.

–Ага, или Бродина- подхватил кто-то из коллег.

Смешки и ухмылки пронеслись по лицам учителей.

–Галина Аркадьевна, сейчас мы говорим о воспитательной программе в целом, не касаясь частных случаев.

Учитель физкультуры хотела было что-то ещё добавить, но завуч продолжила.

–Коллеги! Воспитание – одна из основных целей любой образовательной организации и нашей в том числе. Показатели за прошлый и текущий год говорят о снижении рабо-

ты в этом направлении. Трое учащихся состоят на школьном учёте, двое – на городском. Всё это несомненно портит показатели нашей школы, а если к этому добавить образовательные «успехи»...

– Так что ж им, пятёрки что ль рисовать? – возмутилась учитель английского Елена Васильевна – Они же не делают ничего!

– Пятёрки не надо, но учитель, ставящий двойку ученику, ставит двойку себе, то же самое относится и к воспитанию.

– Ага, то есть это не Девлятгиреев разбил окно в мастерской, а я? – с усмешкой спросил Тихон Арнольдович, учитель технологии.

– Окно разбил Девлятгиреев, но ваша ответственность в этом тоже есть.

– Да что ж я сделаю, если его дома не научили?!

– А вы бы поговорили с ним, объяснили...

– Да я уже говорил, так я ж не мамка ему, да и времени нет объяснять, отчёт на отчёте, не то что повоспитывать, учить времени нет – с досадой ответил трудовик и закашлялся.

– Тихон Арнольдович, давайте по делу, а то мы так до вечера просидим.

На протяжении следующих двух часов учителя обсуждали и говорили, говорили и обсуждали. Пройдя по всем пунктам предложенной завучем программы, вспоминали уже проведённые мероприятия, которые можно было подогнать под нужный пункт плана. Все знали, программу нужно выложить

на сайт школы, где с ней сможет ознакомиться любой желающий родитель или ревизор. Мероприятия действительно проводились, работа велась, но была она хаотичной, проводимой время от времени и никак не согласованной между коллегами. Дело даже не в этом. Действительно, в нескончаемой отчётной работе то по успеваемости, то по внеурочке, то по какой-то ещё очень нужной, входящей в функционал или рейтинг, деятельности, учителя не могли заняться непосредственной своей работой: обучением детей. Стол каждого преподавателя изо дня в день покрывался толстым слоем даже не тетрадей, бумаг: отчётов, сводных ведомостей, уведомлений, табелей и прочими традиционно очень нужными вещами.

Спустя два часа совещание закончилось. Коллеги разбрелись по домам. Вера Андреевна собрала сумку, оглядела кабинет и увидела лежащую под столом ручку.

—А, вот ты где. А я тебя ищу-ищу.

Наклонившись за ручкой, Вера Андреевна увидела на подвижной панели толстый слой пыли. Этой панелью для клавиатуры почти не пользовались и не выдвигали из-за заклинившего механизма. Вера Андреевна провела пальцем по поверхности, посмотрела на собранную пыль, пальцами стряхнула её на пол и, выключив свет, вышла из кабинета.

Двери

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция «Сокольники».

– Гадкий день...и ещё даже не обед...

Дину уволили. Вернее технически заявление она написала сама, но вариантов не было. Начальница туристического офиса, пятидесятилетняя хамка, похоже, находила удовольствие в унижении подчинённых. За два года работы перед Диниными глазами сменилось около десятка коллег, а вот сегодня и она сама не вытерпела. За пять лет этот город так и не стал родным и это ещё пол беды, родное Кемерово благополучно выписало так скоро убежавшую ренегатку. Получается, старый дом потерян, а новый так и не обрётён.

Вагон, в глазах пессимиста, наполовину полный, слегка покачивался разгоняясь.

– Так, ну уволилась... Чем за квартиру платить?

Как и у всех приезжих, почти вся Дина зарплата разлеталась по долгам и платежам в первую неделю. Скопленных денег хватало на два месяца аренды плюс небольшое количество еды.

Звякнул телефон. Начальница, теперь уже бывшая. Наверное «сюрприз» у себя в шкафу обнаружила, ничего, ей полезно.

Всё не так. От досады Дина даже опустила голову. Левый ботинок развязался. Положив телефон возле сумки, Дина, не переставая покачиваться, стала завязывать непослушный шнурок.

– Станция «Сокольники».

– Как? Уже?

Дина быстро поднялась, схватила сумку и стала протискиваться к дверям. Входящие люди и не думали уступать дорогу зазевавшейся девушке. Она всё таки вышла на платформу, когда за её спиной раздалось:

– Девушка, девушка! Вы телефон забыли. Дина обернулась и увидела приближающегося молодого человека.

Улыбающийся парень, подходя, протягивал Дине её телефон, видимо в спешке оставленный на сидении.

– У вас всё хорошо? Вы меня извините, я за вами с «Парка Культуры» наблюдаю. Кажется, вы чем-то расстроены?

– Нет, просто планы слишком неожиданно изменились...

– Перемены к лучшему, по крайней мере так говорят, как там было, когда закрывается одна дверь...

– Ну, из-за закрытия моей двери остаток дня теперь освободился, давно такого не было, так что может действительно к лучшему.

– А может тогда кофе?

Секунду помолчав, девушка ответила:

– Почему нет – Дина в первый раз за день слегка улыбнулась, и они пошли в сторону выхода.

Уже на эскалаторе, за спиной до Дины донеслось:

– Осторожно, двери закрываются!

09.10.21